

Всеволод Георгиев

Московская живодерня

Всеволод Георгиев
МОСКОВСКАЯ
ЖИВОДЕРНЯ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г36

Георгиев, Всеволод

Г36 **Московская живодерня: Сборник рассказов.** –
М.: Этерна, 2010. – 368 с.

ISBN 978-5-480-00241-6

Эти рассказы все разные: от любовной лирики до политического памфлета, от детектива до исторического очерка — но при этом схожи, потому что они о нашей жизни во всей ее многогранности.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-480-00241-6

© Георгиев В., 2010
© ООО «Издательство
«Этерна», оформление,
2010

МОСКОВСКАЯ ЖИВОДЕРНЯ

Тот век немало проклинали
И не устанут проклинать,
Но как избыть его печали,
Он мягко стлал – да жестко спать.

А. Блок, Возмездие

- Вот, ты говоришь – испанцы!
- Я говорю?
- А кто же? Я, что ли? Я вообще молчу.
- Ну хорошо. Что «испанцы»?
- Как что? Смерть под солнцем. Коррида, тореро, момент истины! Красиво!
- Ну?
- Так мы тоже не лаптем щи хлебаем. У нас, у русских, все такое тоже водилось.
- Да ладно!

Мы лежали на вершине стога сена. Кроме этого стога, высокого и длинного, в тумане стояли его товарищи, похожие на огромных, молчаливых, косматых животных, которые вышли попасть в поле. Давно миновал Второй Спас – 19 августа, солнце садилось рано.

Наши охотничьи ружья лежали рядом. Мы уже приняли по первой стопке настоящей на лимонной корке водки, закусили черным хлебом с салом. Огурцы и помидоры лежали на чистой тряпочке. Нехитрый натюрморт: фляга с водкой, кирпич настоящего черного хлеба, большой кусок сала, овощи, все на фоне стелящегося понизу тумана. Полумрак, едва видные верхушки деревьев на фоне серого неба. Все располагало к неторопливой беседе.

Машину, ГАЗ-66, мы оставили в деревне: дальше дорог не было.

Сало было холодным и твердым, с бледно-розовой полосой. Черный хлеб, напротив, имел ноздреватую мякоть и глянцевою антрацитовую верхнюю корочку. Сейчас такого хлеба не делают. А тогда, в самом начале шестидесятых, если вы садились за столик в столовой, перед вами уже лежал нарезанный черный хлеб, и его можно было намазать горчицей, которая вместе с солью и перцем всегда располагалась в центре белой скатерти. Не слишком изысканно, зато бесплатно. Я хорошо помню этот черный хлеб.

Налили по второй и мечтательно устремили взоры вдаль. Вдали синел волшебный лес. Сырой воздух через много километров донес тоскливый гудок поезда. Сладко зануло сердце. Показалось, что когда-то давно я уже видел этот родной унылый пейзаж. Все это было: я лежал на мягком сене под темнеющим небом, дышал сырым воздухом, смотрел на замершее поле и едва угадывал опушку леса. Голова отдыхала, как во время молитвы. Время соединилось с пространством, и тело не чувствовало земного притяжения. Память поколений не проходит бесследно, она остается в нас.

– Я тебе расскажу, что мне дед рассказывал, – услышал я, и эти слова естественным образом улеглись в мое оцепеневшее сознание.

Он был хорошим рассказчиком, мой собеседник и старший товарищ. Я слушал, не отдавая себе отчета, во сне или наяву прилетает ко мне услышанное, прилетает и мягко ложится в память.

Сто лет назад основным транспортным средством была лошадь. Железных дорог было – раз два и обчел-

ся. Дорогу Москва – Нижний Новгород еще не построили, а Казанскую и в помине. Она потом прошла по местности, о которой и пойдет речь. Когда построили станцию Сортировочная, появился поселок Новые Дома. Техника вторгалась в обиход. Появился котельный завод Дангауэра и Кайзера, нынешний «Компрессор».

Но это все пришло позже. А пока техника в буквальном смысле состояла из лошадиных сил.

Развивающаяся цивилизация требовала все больше энергии. поголовье лошадей увеличивалось. Расчеты тогдашних футурологов показывали, что в следующем веке (в нашем то есть) лошадей будет столько, что их навоз заполнит улицы до второго этажа. Не случилось! Зато выхлопные газы заполнили улицы выше самых высоких небоскребов.

Лошадей было много. Костями павших лошадей даже мостили дороги. Шкуру снимали. Дед мотался по всей Москве и, если находил павшую лошадь, быстро сговаривался с хозяином и доставлял ее на живодерню, сюда, к Владимирке, за две версты от Рогожской заставы.

Дед тогда был молод, силой Бог не обидел. С детства тянулся к лошадям. Служил в кавалерии. Побывал на Кавказе, воевал чеченцев. Преследовал Шамиля, когда тот после сражения возвращался в аул Ведено, получил контузию от своей же пушки, по этой причине был отправлен домой и стал работать на живодерне.

Трупы ободранных лошадей сваливали в яму, откуда потом доставали кости. Ямы были огромные, в каждую можно было уложить хоть тысячу лошадей. Живодерня занимала обширное пространство, целое поселение с сараями, помещениями, где вытапливали сало, мыловарнями и так далее, и так далее, и так далее.

Для публики это интереса не представляло. Для публики была интересна травля. Вот там то и прово-

дился бой быков. Вообще-то раньше травля располагалась за Тверской заставой, но потом травля переехала за заставу Рогожскую.

Быков травили собаками. Для этого содержали специальных собак меделянской породы. Это были чудовища весом по сто килограммов и более. Сказать, что волкодавы – ничего не сказать. Обычный наш средне-русский волк для такой собаки был так, комар. Складки кожи свисали с шеи собаки. Волк тщетно вцеплялся в них, нанося урон шкуре, но не внутренним органам собаки. Пес головой, как пудовым ядром, сбивал волка с ног, подминал под себя и смыкал гиреподобные челюсти на его загривке. Шея у волка, конечно, толстая и крепкая, но все же это не бычья шея. Бычью шею так просто не перекусишь. Поэтому бык был достойным соперником для нескольких псов, и, если отличался силой и отвагой, у него имелся шанс выйти из схватки победителем. Бык тоже обладал складками кожи, под которыми перекачивались железные мускулы, питаемые тестостероном, бурлящим в крови быка-производителя. От боли в кровь поступало все больше и больше этого гормона, мышцы наполнялись дикой энергией, и бывало, что бык, облепленный рычащей сворой, выбивал ворота и вырывался из круга на волю. Тогда псари долго разнимали противников, отгаскивали собак, направляли утомившегося быка сначала в загон, а затем и в стойло. Иногда часть публики выскакивала на улицу за быком, чтобы наблюдать продолжение схватки, рискуя попасть на рога или под ноги разъяренного животного.

Но мало было быков, которые могли устоять против меделянских догов. Самым главным таким быком на живодерне стал бык, которого почему-то звали Борькин. Этот Борькин поначалу был просто молодым бы-

ком, весьма стеснительным и, как казалось, даже робким. Его чуть не забраковали и не отправили на бойню.

Откуда пошло это странное имечко на аглицкий манер, неизвестно. Говорили, что получил бычка хозяин живодерни за долги от мещанина Борисова. Должно быть, поначалу быку вообще кличку не положили, называли по фамилии мещанина, все равно пускать на мясо. Борькин, Борькин – так и пошло, закрепились за быком дурацкая кличка А оно вон как получилось! По заслугам его не Борькиным кликать, а Борис Борисычем величать.

Он был силен и крупен, а также обладал редкими длинными рогами, что давало основание некоторым высказывать мысль, что его предком, видимо, случился набредший на стадо коров дикий тур. Короче, вопреки скептикам Борькин выиграл первый бой с собаками, потом второй. Может, в нем действительно текла кровь древних буйных туров? Его стали хорошо кормить, за ним стали ухаживать по-королевски, ласкать и холить. И вот он возмужал, налился свирепостью льва и хитростью леопарда. Борькина теперь выпускали только по важным датам, когда в публике присутствовали очень богатые и очень влиятельные господа, швыряющие белые ассигнации, как бумагу. Тогда делались крупные ставки, и, вне зависимости от выигрыша, публика получала ни с чем не сравнимое удовлетворение. На обычный день в манеж выпускали быка попроще, иначе собак не напасешься, а стоили они дорого.

Рога у Борькина не стачивали, и они на кончиках сияли, как два штыка. Борькин освоил все премудрости штыковой атаки и умело пользовался ею. Другим быкам часто тупили рога, надевали на них кожаные мешочки. Тогда в круг против быка высылались всадник на отличном арабском жеребце, который ловко

увертывался от быка. Это был высший пилотаж. Кони-ков этих в конюшне живодерни содержалась всего парочка, потому что воспитать и натаскивать их, сам понимаешь, задача нешуточная.

Дед мой к травле и всем ее учениям и хитростям не касался, но всех там знал, часто ходил смотреть бой быков, в общем, был в курсе жизни.

Да, а потом произошла вот такая штука. Однажды один помещик проиграл хозяину живодерни медведя. Хозяин давно примеривался к медвежьей травле. А помещик тот, вроде пушкинского Троекурова, держал медведя, но в конце концов устал от него. Медведь – забава, пока он маленький. А как подрастет, хоть вешайся. Посмотришь – котенок, мирный, добрый, ласковый, а протянешь руку – хорошо, если успеешь отдернуть. Псаря, который за ним ухаживал с детства, стоило тому отвернуться, свалил с ног и мигом превратил в котлету. Хоронили в закрытом гробу. И вымахал тот медведь не в пример обыкновенному. Помещик специально выписал медвежонка откуда-то с Камчатки или Алеутских островов, а может, и с самой Аляски.

Когда доставили медведя на живодерню, он еще рос, но уже тогда был чуть не по плечо зрителю. Да, и это когда не на двух, а на четырех лапах стоял. Конь да и только. Хоть верхом садись. На нем помещик ездил таким макаротом, пока медведь был еще мишкой, а не Михайло Потапычем. Помещик вообще с причудами был и назвал медвежонка Вольдемаром. Почему Вольдемаром, пес его знает. Ну, Вольдемар и Вольдемар. Короче, прибыл Вольдемар на живодерню настоящим зверем, хитрым, сильным, хищным, но с виду добродушным, а весил не меньше 30 пудов. Помещик собак своих брудастых против него и не помышлял

ставить: прихлопнет одним махом. Не то – меделянский дог, его лапой в воздух не подбросишь.

Ну, прибыл подарочек на живодерню. Откормили его кониной, да молоком, да овсом отборным, а когда стал он клетку ломать, поставили на травлю. Получилось. Народ валом повалил. Ставки делают, кричат, свистят, чуть не лезут на арену. Воспитали вторую звезду в коллективе. Во как!

В общем, куда там испанцам, тем более португальцам. Скажешь, они до сих пор боем быков балуются, а мы по другому ведомству? Все так. Русские, они всегда все до крайности довести норовят, вот наша беда. Ударить так, чтобы кулак себе расшибить, а потом ходить инвалидом и забыть о боксе. Всякая чрезмерность дурна, и людьми не приветствуется, и люди ее избегают. Это еще Монтень сказал. Монтень, говорю, французский философ. Но мы Монтеня не читаем. На кой ляд нам Монтень?! Нам Монтень не нужен! Пошел он к лешему со своей филожо... короче, со своей наукой!

Вот и наша коррида кончилась. Насовсем. Расскажу как.

Однажды хозяин живодерни проигрался в пух. И денег задолжал какую-то безумную сумму. А отдавать надо. Вот тогда он и решил разом ее огрести, устроив невиданную травлю. Столкнуть на ринге Борькина с Вольдемаром. Видно, торопился хозяин, а может, и не протрезвел еще до конца, но как решил, так и сделали.

Публика собралась самая отборная. В напитках недостатка, само собой, не было. Офицеры пришли флотские, крымцы, тоже народ, прямо скажем, крутенький. На Крымской войне прошли через смерть, в башке затонувшие корабли, погибшие адмиралы да товарищи убитые и искалеченные.

Тихо!

Откуда-то издалека донесся волчий вой. Он начался с низкой ноты, потом брал выше и выше и внезапно оборвался. Мы приподнялись и покрутили головами. Вокруг стояла ночь. Туман ушел. Кое-какие клочки оставались, они жались к опушке леса и к подножиям стогов, но небо прояснилось, и на юге повисла луна, круглая и яркая, как хирургическая лампа. А мы и не заметили, что освещены таким прожектором. Взгляд невольно потянулся к незаряженным ружьям. Прислушались. Тишина. Выпили. Закусили. Еще прислушались. Тихо. Я опять повалился на сено и стал смотреть на луну, по которой иногда пробегали черные тени облаков. Луна как будто ныряла в воду, неглубоко, сохраняя свое присутствие, как поплавок, выныривала и снова ныряла. Собеседник мой прожевал сало с черным хлебом, обтер губы рукой и продолжал.

Значит, в один прекрасный вечер столкнули-таки Борькина и Вольдемара. Дед говорил, что такого действия на барабанные перепонки он никогда не испытывал, даже на войне. Это был рев, от которого у всех захолонуло сердце. Все ненадолго оцепенели. Наверное, так цепенеет жертва ревущего хищника, в первое мгновение она не в силах ни спастись, ни сопротивляться. А потом толпа закричала, затопала, зашлась в истерике. На кругу происходило нечто страшное и величественное. Два бойца, общим весом чуть не в полторы тонны, ловкие, смелые, опасные, то сшибались, катаясь по арене, как дерущиеся кошки, то расходились, чтобы, отдышавшись, ринуться снова в бой. Все цепи были оборваны. Песок и опилки не успевали впитывать кровь. В рядах у зрителей то тут, то там тоже

вспыхивали драки. Это всеобщее возбуждение, гипнотическое состояние не могло кончиться добром.

Наконец наши слоноподобные бойцы, ревя и нанося вслепую удары, проломил забор и выкатились в проход. Надо было что-то делать, и старший псарь выпустил собак: собаки всегда останавливали вырвавшихся на волю животных. Но не тут-то было! Как говорится, не на тех напали. Конечно, собаки в своих вольерах слышали шум битвы, его, наверное, было слышно аж в Анненгофской роще, куда золотари потихоньку свозили нечистоты. Собаки выли, бросаясь на стенки вольеров, они тоже всем существом поддались гипнозу боя, поэтому, когда их выпустили, они, рыча от нетерпения, тяжелым галопом бросились в гущу сражения.

Самые отчаянные из зрителей тоже не удержались и, вооружившись кто чем, бросились выручать животное, на которое они сделали ставку. Моряки выхватили кортики и, сомкнув ряды, пошли в атаку, будто она была последней. Они потерпели поражение от лягушатников в Крыму и теперь спешили отстоять свою честь. Даешь Севастополь! Короче, случилась такая свалка, что мама не горюй.

Дед видел, как один купец с тяжелой лавкой в руках бросился защищать медведя и как тот, не разобравши дела, ударом лапы сшиб его на землю, решив, что это и есть виновник всех бед. От второго удара купца спасла лавка, она переломилась в нескольких местах, у нее подломились ножки, а большой кусок доски подлетел высоко в воздух и, описав дугу, сбил с ног какого-то человека. Часть обломков упала на купца, впрочем не причинив ему особого вреда. В это время на ушах у быка висели два огромных волкодава, еще два держали медведя за гачи, но медведь этого не замечал, и псы во-

лочились за его задними лапами: так двое маленьких детей, играя, безуспешно виснут у отца на ногах, пытаюсь удержатъ его на месте. Все это дед увидел как в замедленной киносъемке. Он успел скинуть пиджак и набросить его на голову медведя. Медведь замешкался, и дед выхватил купца из-под Вольдемара. Купец был тяжелый, но дед закинул его себе на спину и вынес, как выносят раненых с поля боя.

Позади остались обессиленные схваткой Борькин и Вольдемар, люди отползали в стороны, собаки хрипели, служители с ужасом смотрели на вздрагивающих меделянских догов с выпущенными кишками. Что скажешь? Сон разума! Общее помрачение. Урок бессмысленный и беспощадный.

Вот так и кончилась московская травля. Сколько ни уговаривал потом хозяин станowego, сколько ни предлагал денег, тот был непреклонен. Всему есть предел. Двух собак пришлось пристрелить, хорошо человеческих жертв не было: так, поломанные кости да рваные раны. Борькина и Вольдемара продали за хорошие деньги. Чего зря кормить?

А дед мой от купца награду получил. Тот сказал: проси что хочешь. Ну, дед и попросил оплатить ему образование. Сказано – сделано. Дед в итоге окончил университет, стал помощником следователя. Но это уже другая история.

Я молчал, переживая картину побоища. Как бы живо ни описал ее мой собеседник, на нас все же не действовал тот звуковой фон: помрачающий сознание рев, визг, топот, крики, истошный лай, треск ломающегося дерева. Вокруг стояла тишина. Даже далеких составов не было слышно. Луна переместилась вправо

и ушла из моего поля зрения. Облака исчезли, и луна светила ровным светом, прилежно и спокойно освещая замершие окрестности. И ветер стих, и деревья больше не шевелились, и душа просела, как весенний снег, безмятежно опустилась, расслабляя мышцы тела и опостылевшее напряжение ума. Славная была ночь!

Тишину снова нарушил волчий вой. На этот раз он звучал уже с более близкого расстояния, был выше и продолжительнее.

– Волчица, – сказал мой собеседник. – Стаю собирает.

– Не по нашу ли душу? – спросил я.

– А это как Бог даст.

Я посмотрел на ружья.

– Пустое, – сказал он. – На этот случай у меня тоже есть что рассказать.

Он наполнил раскладные стаканчики, и мы повторили процедуру, которая всякий раз сопутствовала паузе. Сало стало еще холоднее, а хлеб снаружи немного подсох, но внутри был еще мягким и свежим.

– Вот, слушай. Случилось это, когда мой дед уже следователем работал в Зарайском уезде Рязанской губернии. Однажды на Святки пришло сообщение, что пропал один из бывших местных. Его ждали на рождественские каникулы, а он не доехал.

– Пряма как у Чехова: пропал человек.

– Так, да не так! Этот не пьяницей каким-то был, а приличный человек, приват-доцент из самой Москвы и все такое прочее. Организовали расследование. Искали свидетелей. Наконец нашли, и как-то утром заложили сани и помчались по морозцу до села, где жил свидетель. Семья знакомая, ехали как в гости, а не допрос снимать. Ну, дом с мезонином, паркет, пианино, фикус в кадке, елка до потолка, наверху восьмиконечная звезда. Самовар, баранки, пряники, варенье, наливоч-

ка, само собой, все как полагается. Тепло в доме, сухо, сибирский кот мурлычет. Свидетель – военный в синем уланском мундире с блестящими пуговицами, – вернулся из полка на побывку. Вот что он рассказал.

Оказалось, он ехал с этим приват-доцентом в одном вагоне. Познакомились, разговорились. Проводник принес чаю. Русские за беседой обязательно заспорят. Но здесь спора не было. Так, обмен мнениями.

Выяснилось, что приват шел по медицинской части, был кошкорезом, то есть ставил опыты на кошках. Ну, лягушки всякие тоже в дело шли, но это больше для студентов. Военный еще пошутил, не попадалась ли привату царевна-лягушка?

– Мне все одно, – говорит приват, – та же мускулатура, сухожилия, кости. Ежели вы про душу, то, поверьте, нет там никакой души, а сердце – просто мышечный насос.

– Вы что же, из нигилистов будете? – спрашивает военный.

– Ну уж называйте как хотите, а только то, что вы душою называете, есть химический продукт деятельности головного мозга. Человек ничем от животного не отличается. Разве что размером этого самого мозга да последующим воспитанием.

Дальше приват рассказал, что появилась теория одного англичанина, будто человек постепенно воспитался из обезьяны.

– Да разве это возможно?

– Отчего же нет? – говорит приват. – Очень даже возможно, если идти индуктивным способом.

Военный не знал, что это за способ такой, и спорить не стал. Он понимал, что здесь легко быть вовлеченным

в спор о вере в Бога, а как можно спорить о вере? Вера, она и есть вера. Сам он в Боге не сомневался и с детства привык к тому, что все творится по Божьей воле.

Однако же в этой теме приват не стал останавливаться и перешел к politique. Он мимоходом вспомнил об общественном договоре Жан Жака и посетовал на нашу российскую дикость. «Петербург да Москва (где не без гордости резидировал сейчас приват) – вот и вся сознательная Россия», – говорил он.

Эта почва для военного была еще более скользкой, чем предыдущая. Он давно выучил, что солдат есть защитник отечества от врагов внутренних и внешних, да и сам полагал, что дух Божий присутствует повсюду, а потому не смог не воспротивиться якобинским взглядам, которые с умным видом излагал приват.

– Я, – говорит, – решительно вас не понимаю. Вы хотите бросить бульжник в колодец. Добра от этого не жди. Вода замутится и долго будет мутной. А потом все придет в прежнее состояние. И зачем бросали? Баловство это.

Приват тоже непрост был, привел какого-то немца, который установил, что жизнь есть движение, а покой есть ничто.

На этот случай военный рассказал ему о мужике, который жил себе и жил, пока не приехал агитатор да не стал агитировать, мол, чего, мужики, хлеб жуετε, чего не бунтуете? Честь имею рекомендовать! Мужики от таких слов решили бунтовать, глядь, а тут и полиция. Сам становой приехал, собственной персоной, и ну кричать: «Чего, мужики, бунтуете, так вас и растак, чего хлеб не жуετε? Я вам ужо!» А чтобы втолковать эту мысль, отпустил каждому плетей. Вот выпороли мужика, приплелся он домой, почесал мягкое место, да и запустил шапкой в угол: «Чаво, чаво? А ничаво!»

Посмеялись. Приват, он пока в пенсне приват, а так тоже ведь человек. И болеет, и потеет, и кашу ест, как все.

Ну, скоротали дорогу за беседой, а когда прибыли на свой полустанок, уже ночь установилась. Вышли на свежий воздух. Хорошо! Снег искрится, луна в поларшина, ели под снегом, задерешь голову – шапка падает. Паровоз посвистел, пыхнул паром, да утянул неспешно вагоны, оставив запах дыма и снежную пыль. Ни огонька, ни души кругом, слава тебе, Господи, луна светит, как исправный фонарь.

Покропили они снежок возле рельс. Может, и не надо было этого делать, потерпеть бы до дома, но кто знает, как путь сложится? На холодном рельсе моча застывала засахарившимся медом. Оправились, встряхнулись, застегнулись и двинулись пешком по морозцу.

Дорога частью полем, частью лесом, широкая, разъезженная за день, как шоссе. Однако до села далеко. Впереди снежное взгорье, дальше опушка леса. Смотрят – по снежной целине тени пробежали, бесшумно, будто мыши ночью по белой скатерти. На душе как-то жутко стало, жутко и мерзко. Волки. Почуяли твари человека.

Приват остановился, покачал головой. Нет дороги! Как быть?

Перекрестился военный, пойдем, говорит, а то на сочельник опоздаем, двое не один, главное, не тушиться перед зверями.

Какое там? Приват ни в какую: «Бог с ним, с сочельником, никакого резона нет жизнью рисковать, даже ради Рождества Христова, которое, с точки зрения есть миф и опиум для страдающего народа».

– Стыдно вам такие слова говорить, – отвечает ему военный. – Просто вы робеете перед волками. А я вот чи-

тал у французов легенду о Жанне Бове, которая от убийц в лесу спасалась, тоже зимою, да набрела на стаю волков голодных. Впереди волки, позади душегубы, упала она на колени прямо в снег и стала молиться. Волки ей навстречу бегут, закрыла она глаза от страха, а они ее обогнули, да набежали на убийц подлых, да вцепились им в глотки. А Жанна Бове жива осталась.

– Не боюсь я этих тварей, – обиделся приват, – здесь простой расчет: потеряем время, зато сохраним жизнь. Вернемся и зайдем в деревню, что рядом со станцией. Да я готов целковым пожертвовать, чтобы меня в теплых санях в село доставили. Что же, жизнь моя целкового не стоит? А эти ваши Бова-королевны, да лягушки-царевны есть сказки забитого и запуганного народа, далекого от прогресса. Мы с вами люди просвещенные, современных взглядов. Это вам должно быть стыдно, что напираете на всякое мракобесие и темноту Средневековья.

– Эх! – говорит военный. – Жаль мне с вами расставаться, да, видно, придется. Не могу я опоздать. Семья за стол сядет, Бога прославит, а меня нет. Так не годится. Человек вы хороший, но уж больно умственный. Опоздаете на Рождество из-за своего упрямства.

– Да что ж, вы так один и пойдете? – спрашивает приват.

– Так и пойду.

– И не боитесь?

– Боюсь, а пойду! Да что об этом толковать? – Военный протянул привату руку. – Бог даст, свидимся!

– Шальная вы голова! – Приват крепко пожал руку военному и, постоянно оглядываясь на него, пошел обратно к хорошо видному полустанку.

Военный глубоко вздохнул, посмотрел на звезды, перекрестился еще раз, надвинул поглубже теплую, на

вате, фуражку и, не оборачиваясь, энергично пошел вперед.

Волки сидели возле опушки. Когда он стал подходить, их можно было хорошо разглядеть. Теперь они не внушали омерзения. Зрелище было скорее торжественным, где-то даже прекрасным. Впереди сидела волчица и не мигая смотрела на приближающегося человека. Чуть позади сидел крупный волк с гордой осанкой, большой головой и пышным воротником, обнимающим шею. Он внимательно следил за военным и изредка посматривал на волчицу. За их спинами переминались еще два волка: они осторожно кружили почти на одном месте, стряхивая с лап рассыпчатый снег.

Военный весь подтянулся, переменял ногу и зашагал строевым шагом, размахивая руками и вбивая каблуки в дорогу. Снег весело скрипел под сапогами, сталью звенели положенные для парадной формы шпоры, наконец, прокашлявшись, военный чистым голосом запел «Да воскреснет Бог, и расточатся врази его...».

Приват, услышав издалека пение, улыбнулся, тихо радуясь, что пока они оба живы.

А военный шел и шел. Пот заливал ему глаза. Он сдвинул фуражку на затылок. Это придало ему захватский вид, и он еще громче запел знакомый псалом, еще энергичнее стал размахивать руками.

Волчица, приподнявшись было с места, услышав громкое «Заповеждь, Боже, силою твоею...», опять усесть на снег. Двое переярков перестали топтаться на месте и замерли, только сидящий матерый все так же невозмутимо наблюдал за действием, как столичный театральный зритель наблюдает за спектаклем.

Военный миновал волков и запел «Дева днесь Пресушественнаго рождает...». Волки не тронулись с места.

Впереди замерцали огоньки домов. Издалека слышался лай собак. Можно было оглянуться.

Волков на месте не оказалось. Все же он успел заметить мышинные тени, которые, набирая скорость, заскользили по направлению к полустанку. Только бы приват успел добраться до деревни!

Больше ничего военный о привате не знал. Он помнил, что пришел домой вовремя, переменял белье и выпил большую рюмку водки. За столом это происшествие как-то поблекло, потому что был праздник, в доме было тепло и вкусно пахло, пели церковные и светские песни, на елке горели свечи, а под потолком сияла звезда Рождества.

Привата нашли занесенным снегом в перелеске, недалеко от полустанка. Волки его не тронули. Он умер от грудной жабы и замерз в снегу. Видно, когда увидал бегущих волков, побежал, не разбирая дороги, пока хватило воздуха.

– Вот, брат, какая история с географией, – закончил мой собеседник, – а ты говоришь...

Я молчал, подавленный и пораженный его рассказом. Ночные страхи рассеялись. Ведь если есть звезда, можно жить ничего не боясь. Некогда к ней двинулись и небожители, и волхвы, и пастухи, все. С восторгом, с трепетом, но без сомненья.

В моем поколении была странная смесь прошедшего времени – общего дела, войны, красных знамен, ношения кителя и ненависти к буржуям, – это с одной стороны, и песен Окуджавы, плащей из болоньи, торшеров и первых записей «Битлз» – с другой, а может, и с третьей. Удивительно, Павел Корчагин стоял в одном строю с тремя товарищами Ремарка, а песня

ВСЕВОЛОД ГЕОРГИЕВ

«Орленок» не переставала звучать, когда на сцене пел Ив Монтан. Товарищи не уживались с товарищами. Странное, странное поколение. Не то весна, не то слепая осень.

Через тридцать лет, в девяностых, оно стало тихо вымирать, видимо, с добавлением новых компонентов смесь превратилась в вещество, несовместимое с жизнью.

Мой собеседник тихо копался, убирая в рюкзак остатки ужина и что-то бормоча себе под нос. Тогда он казался мне почти старым, хотя только вступил в пору, когда дни коротки, как выстрел из автомата. Его уже давно нет на свете.

Я прислушался. Бормотание походило на считалочку: семь волков идут смело, впереди их идет волк осьмой, шерсти белой, а таинственный ход заключает девятый...

Наконец он улегся на сено и сразу уснул. Я последовал его примеру. Потом, я помню, проснулся: во сне мне показалось, что я оступился и чуть не упал. Щеки у меня были мокрые. Я вытер их ладонью и повернулся на бок. Поворачиваясь, я приоткрыл глаза. На горизонте появилась розовая полоса. Ночь прошла. Уже вставало солнце.

КАК ВСЕ ЭТО БЫЛО

Недаром за час до рассвета,
Всходя на кривой эшафот,
Кудрявая девочка эта
Сказала, что Сталин придет!

Д. Кедрин

В субботу, когда она пришла из школы, ее ждала новость. К ним в квартиру собирались въезжать новые соседи.

Старые, старые не только по названию, но и по возрасту, уехали на лето в деревню, да так и не вернулись, умерли с перерывом в две недели. Их и похоронили там же, на деревенском кладбище. Комната долго пустовала. Теперь в ней должны были поселиться тоже муж и жена, но более молодые. Оба бывшие комсомольские, а к настоящему времени партийные работники. Оба с периферии, достигшие в карьерном росте приглашения в столицу.

Москва готовилась принимать Олимпийские игры. Она хорошела, росла, заполняла пространство, которому посчастливилось попасть внутрь кольцевой автомобильной дороги. Раньше здесь было поле, деревня или просто пустырь, а теперь – жилые кварталы.

Новоселы с сумками и портфелями толпились на автобусных остановках, переговаривались, знакомились, поглядывали на часы, боясь опоздать на работу. На востоке алело небо, оно отражалось в бесчисленных чистых окнах, делая хмурое утро нового дня более светлым и обнадеживающим.

Автобус двигался, разбрызгивая глинистые лужи, и счастливы из новых квартир, прыгая по доскам и

брошенным в лужи кирпичам, спешили втиснуться в его чрево, чтобы, хотя бы и стоя на одной ноге, доехать до станции метро. За стеклами тянулись бесконечные заборы, стройки, склады, затем появлялись улицы и скверы, легковые машины и троллейбусы, высохшие тротуары, а по тротуарам нормальным шагом шли люди. Наконец, автобус достигал далекой цели, облегченно вздыхал и высыпал из себя невероятное количество пассажиров, будто уткнувшийся в берег средних размеров десантный корабль.

Однако квартира, с которой начат рассказ, находилась практически в центре Москвы, и до метро от нее было десять минут пешком. Она состояла из трех комнат, две из них, смежные, занимала наша героиня, которую звали Надей, с родителями, а еще одна комната, большая, пустовала и готовилась принять новых жильцов.

Надю разбирало любопытство, она попыталась расспросить мать о будущих соседях, но та была не в духе и отправила ее в магазин. Когда девочка вернулась, вся семья оказалась в сборе: отец пришел из гаража. Он уже успел выпить и принес с собой четвертинку водки. Сели за поздний обед. Стояли сумерки, в комнате зажгли электричество. Свет от ламп, смешавшись со светом из окон, казался утомленным и тусклым, а может, он в самом деле устал проникать сквозь давно немые плафоны люстры.

Отец, в приподнятом настроении, шутил и рассказывал анекдоты, которые Надя не понимала. Он дал дочери понюхать рюмку с водкой, и ее передернуло от запаха. Она сморщилась и затрясла головой. Он рассмеялся, опрокинул рюмку в рот, с закрытым ртом посмотрел на дочь, округлил глаза, будто от ужаса, прополоскал рот, проглотил и, задержав дыхание, выдохнул.

Мать тоже повеселела и смеялась дурацким, как она говорила, анекдотам. Некоторые она называла пикантными, но для Нади это слово было неизвестно.

Вечером Надя никак не могла уснуть и жалела, что у въезжающей пары нет детей. Родители перешептывались за стенкой, мать иногда фыркала, потом у них стала скрипеть кровать в сопровождении какого-то странного звука. Надя прислушалась, мелькнула мысль пойти посмотреть. Мысль как пришла, так и ушла. Надя отвлеклась и уснула.

Соседи въехали через неделю. Это были люди немногим старше ее родителей, высокие, стройные и хорошо одетые. «Хорошо» тогда означало, что на них не было ничего отечественного. На нем – замшевая куртка и джинсы, на ней – джинсы и водолазка. Новая мебель тоже, судя по всему, относилась к уважаемому импорту.

Соседи покопались у себя в комнате, а к концу дня устроили на кухне импровизированное новоселье, в котором приняли участие всего пять человек: они сами, Надины родители и Надя, конечно. Для соседней переезд с места на место, очевидно, не представлял значительного события. Возможно, они рассматривали это место как временное пристанище. Но жизненный сценарий выписывает такие повороты, до которых не додуматься самым искусственным предсказателям. Народная же мудрость, которая успела оформиться за годы советской власти, гласит: нет ничего более постоянного, чем временное.

Через несколько дней Наде удалось побывать в комнате у соседней. У них было очень красиво, как-то чище и светлее, чем в комнатах Нади. Зато книг было меньше, главным образом новые собрания сочинений, да еще книги, изданные по спискам за сданную

макулатуру, все явно не читанные. Заметим, что Надя гордилась своей семейной библиотекой. Отец и мать любили книги и успели до рождения дочери, до общего фальшивого книголюбия походить по букинистическим магазинам и заполнить книжные шкафы очень неплохими вещами. Но с той поры много воды утекло: Надя родилась, страна вступила в эпоху застоя, все заразились вирусом приобретательства. Мать еще сопротивлялась, сдавала макулатуру, чтобы покупать дефицитные книги, но и книги стали всего лишь показателем достатка. Отец сразу же перестал сопротивляться и часы проводил за ремонтом старенького «москвича», впрочем, это был только повод пообщаться в гаражном кооперативе с такими же неприкаянными автолюбителями, фанатами отечественной автомобильной и ликеро-водочной продукции. Об иномарках в те времена никто и не мечтал.

Наде мнилось, что жизнь соседей лучше, веселее, опрятнее, еда вкуснее, одежда и обувь чище, а сами они добрее и современнее. И имена у соседей были яркие, если не сказать романтические, Герман и Виктория. Благодаря соседям Надя впервые попробовала пепси-колу, посмотрела цветной телевизор, надела модную белую маечку с олимпийским мишкой на груди. А музыка? Какая у них была музыка! Супер! «Все иностранное,— то ли с восхищением, то ли с осуждением говорила мать,— имена и те иностранные!» — «Какая, на хрен, разница!» — возражал ей отец, глядя озлобленными глазками на остывшие магазинные котлеты, покрытые тусклым темно-бурым слоем сухарей. Он с ненавистью давил их вилкой и, развивая мысль, прибавлял: «Рулить должны иноземцы, чужой народ — он что скотина, его жалеть не надо».

Надя чувствовала скрытое соперничество, которое имелось между их семьями. Это было соперничество

между основной общества и его элитой, оно не признавалось обеими сторонами, но оно было. Отец ворчал, что цель нашей партии – благо людей, и мы знаем, кто они, а соседка не раз замечала, что разбираться в полупроводниках – это полдела, а вот ты попробуй стать настоящим проводником, проводником ленинских идей, вот это – дело!

Летом Надю отправили в пионерский лагерь, и она застала всего несколько дней московской Олимпиады. Но это были замечательные дни. В Москву на время перестали пускать приезжих, и в городе стало просторно, чисто, немногочленно. Мало машин, не заполнены тротуары, нет обычных очередей в магазинах. Улетел в московское небо на своих воздушных шариках олимпийский мишка, праздник кончился, и все вернулось: полные вагоны метро, полные магазины, полные кинотеатры, полные вокзалы, полные авоськи и полные тетки.

Олимпиада была праздником, но все же лягнула Надино семейство. В пылу строительства олимпийских объектов семейство потеряло гараж. Теперь отец оставлял машину прямо на улице. Но русский человек умеет себя утешать, иначе он был бы самым несчастным человеком в мире: отец приспособился ставить машину на спуске их Николоворобинского переуллка, а это позволяло заводить ее в любом случае, даже когда сел аккумулятор, даже в сильный мороз, стоило только снять ногу с тормоза и включить высшую передачу.

Лето следующего, восемьдесят первого, года выдалось жарким. Спать в нагретой за день комнате было невозможно. Приходилось заворачиваться в мокрую простыню, только так удавалось уснуть. Через парутройку часов простыня высыхала, и надо было идти в ванную, чтобы снова намочить простыню тепловатой

водой. Облегчение наступало с рассветом, когда в раскрытые настежь окна вливалась утренняя свежесть вместе с шумом первого трамвая, который взбирался на горку по Яузскому бульвару.

И здесь отец сумел найти выгоду из потери гаража: в самые жаркие ночи он с матерью Нади шел спать в машину. На улице в ночные часы наступала какая-никакая прохлада, и при опущенных стеклах в салоне устанавливалась вполне приемлемая температура. Да и за машину было как-то спокойнее.

В это лето, дышащее жарой и видимым благополучием, случилось то, что круто изменило Надину жизнь. Почему в те дни она находилась в городе, а не на отдыхе, Надя не помнила.

Однажды вечером Герман пришел с работы измученным, но в хорошем настроении. Он достал из дипломата бутылку водки и торжественно поставил ее на стол соседей. Оказалось, его наградили, и он потребовал, чтобы все разделили с ним радостное событие. И для Нади он принес пепси-колу. Уговаривать соседей, разумеется, не пришлось. Отец и мать придерживались универсального принципа: «Наливай!» Тем более что «Посольская» заслуживала особого уважения, такую водку простому люду купить было негде.

Сообразили нехитрую закуску. Выпили по первой, закусили. Хорошо! Потом Герман ушел к себе, сославшись на усталость. Оно и верно: вид у него был неблестящий, кожа побледнела, глаза ввалились, даже руки дрожали. За ним вышла Виктория. Надя, понятное дело, тоже за столом рассиживаться не любила. Отец с матерью остались культурно отдыхать вдвоем, жалуюсь на жару, но продолжая исправно чокаяться за здоровье Германа. Потом Виктория предложила им осве-

житься двумя бутылками пива «Рижское» прямо из холодильника. Куда уж лучше!

В холодильнике Герман всегда держал кусок льда. Виктория отколола несколько кусочков и поместила в лед ополовиненную бутылку водки.

Когда отец с матерью вернулись в свою комнату, Надя уже видела пятый сон. Они что-то обсуждали, собираясь спать на улице. Надя проснулась, вышла за ними в коридор и попросила взять ее с собой. Все стали шепотом препираться. По-видимому, шепот был довольно громким, потому что в коридор вышел Герман в тренировочном костюме и спросил, в чем дело. Надя боялась оставаться одна, а родители ее брать не хотели. Герман в два счета разрешил их спор, пообещав рассказать Наде хорошую сказку и посидеть с ней, пока она не уснет. На том и порешили. Появилась Виктория, удивленно посмотрела на Германа, но ничего не сказала. Она покивала головой, закрыла за отцом и матерью входную дверь. Без очков Виктория казалась беззащитной и даже робкой. Надя улеглась, Герман сел рядом и стал рассказывать сказку про ежика в тумане. На середине сказки Надя уснула.

Герман подождал. Девочка ровно дышала во сне. Он встал. Она не проснулась. Тогда он вышел. Виктория ждала его. Она надела очки и снова выглядела как строгая учительница.

– Зачем ты настоял, чтобы Надя осталась? – спросила она. – Не лучше ли было оставить все как есть?

– Я что, монстр какой? Фашист? Да и ты не строй из себя леди Макбет Мценского уезда. А потом, ты хоть что-нибудь соображаешь? Она ведь пойдет спать на заднее сиденье. Ферштейн? Покалечится, и все! Ну и зачем тебе калека? Ну ты, мать, даешь! Совсем не думаешь. Не делай ничего сверх необходимого, и до-

живешь до глубокой старости. Принцип такой есть. Слыхала?

– Извини, ты прав, – Виктория сняла очки. – Я не подумала. Все это так страшно. Стресс. Ты понимаешь?

– Не время сейчас. Не до рассуждений. Все! Отсчет пошел! Сиди и жди, от тебя больше ничего не зависит.

Герман надел широкий темный плащ и надвинул на глаза широкополую шляпу. Сразу стало жарко. Обливаясь потом, он достал из холодильника заготовленный кусок льда. В лед зачем-то были заморожены мелкие камешки.

На улице стояла ночь, хоть глаз коли. Темно и пусто. Ни освещенного окна, ни фонаря, лишь вдали, внизу, виднелись тусклые огни на реке. Герман приблизился к машине. Родители Нади спали. Из окон машины несло таким винным духом, что лучше и не подходить. Герман вынул из пакета кусок льда и установил его под переднее колесо. Затем он через окно нащупал ручку коробки передач и столкнул ее с первой скорости в нейтральное положение. Ручной тормоз был отпущен. Автомобиль чуть вздрогнул. Лед под колесом затрещал, но выдержал. Герман еще раз осмотрел колесо и, сделав круг, вернулся в дом.

Виктория ждала его и сразу открыла дверь. Он проскользнул в квартиру, сбросил верхнюю одежду ей на руки и вернулся в комнату Нади. Надя спала, разбросавшись на постели. Герман сел и стал ждать.

Время тащилось нога за ногу и не думало ускоряться. Герману очень хотелось дать ему пинка под зад. Сердце бухало в груди, и он боялся, что оно разбудит спящую девочку. Но... все проходит.

С улицы издалека донесся страшный удар и скрежет. Одно мгновение, и снова тишина. Надя вздрогнула и проснулась.

- Спи, спи,– сказал Герман.
- Это что? Салют? – спросила она.
- Сваи, наверное, забивают. Спи.
- Сваи? А вы расскажете еще про ежика?
- И про ежика, и про рыжика, и про то, как дяденька Егор появился из-за гор.
- Про ежика, который заблудился.
- Заблудился, заплутал, замутил, замаскировался в тумане. Ну, слушай!

Герман не успел закончить сказку, как Надя опять спала.

Чуть свет всех разбудила милиция. Надины родители разбились насмерть. Машина набрала скорость на спуске и врезалась в бетонное ограждение. Врач, почуяв запах, сразу констатировал смерть и вынес решение, что иначе и быть не могло. Несчастный случай. Даже лужа на горке, где стоял автомобиль, успела высохнуть.

«Ингосстрах» не хотел выплачивать страховку, но Герман сумел надавить где надо, и Надя ее все-таки получила. Стоит ли говорить, что Герману и Виктории удалось удочерить сироту и они вдруг стали героями в то меркантильное и лицемерное время. Правда, кое-кто, поджимая губы, замечал, что попутно к ним перешла вся небольшая квартира, но это были никак не уважаемые злопыхатели с мелкобуржуазными предрассудками и отсталыми взглядами.

Для Нади началась новая жизнь. Не сказать, чтобы она была жутко расстроена: в ее однообразное существование со скучными школьными буднями вдруг ворвалась трагически-романтическая волна. Волна подняла ее над окружающими, и Надя почувствовала себя человеком, заслуживающим внимания, отмеченным печатью изысканной горести, в общем, в чем-то «пи-

кантным». Пока она не понимала значения этого слова, но догадывалась о его интригующей сути.

– Ну вот! Примерно так все и было, – прокомментировал я первую часть ее биографии. – По крайней мере, если бы я теоретически разрабатывал операцию такого рода, я планировал бы ее именно так.

Она смотрела на меня, ловя каждое слово.

Мы ехали в спальном вагоне поезда, идущего строго на восток. Она собиралась сойти в Арзамасе, а я должен был ехать дальше. Так за беседой мы коротали ночь. Незнакомец и незнакомка. Она была уверена, что мы никогда больше не встретимся, поэтому и доверила мне свою биографию. Ее звали Надеждой, Надей. Я, годящийся ей в отцы, слушал в некотором смятении чувств, ошеломленный необычностью ее рассказа, стараясь, однако, сохранять внешнюю рассудительность. Судя по всему, она по иронии судьбы принадлежала к типу экстравертов, ей так хотелось высказать кому-нибудь свою беду, но беда была такова, что поведать о ней не было никакой возможности. Разве что случайному человеку, который выслушает и исчезнет из твоей жизни навсегда.

Исповедь давалась трудно, но держать много лет эти вещи в себе было еще трудней. То, что я услышал дальше, обрушилось на меня неожиданно и безжалостно.

Ко времени нашей встречи Надя по годам уже вошла в период зрелости, даже, пожалуй, перевалила через него. Это был август женщины с еще жаркими, но уже короткими деньками и предчувствием скорой осени. Русоволосая, рослая женщина. Таким место на экране, такие бывают женами генералов. Посмотрев

на таких женщин, вспоминаешь, что кони все скачут и скачут, а избы горят и горят.

Но... бледное лицо, глаза ушли глубоко внутрь, руки потеряли приятную пухлость. Ни маникюра, ни макияжа. С левой стороны не хватает глазного зуба. Впрочем, она не смеялась. Улыбалась, не разжимая губ, а то принималась хлюпать носом, на глазах появлялись слезы. Тогда она доставала платок и аккуратно вытирала лицо.

Моя версия событий ее заинтересовала, и она увидела, наверное, во мне внимательного и серьезного собеседника, точнее, слушателя, в котором она так давно нуждалась. Поэтому мне выпал случай дослушать все до конца. Конечно, лучше бы на моем месте оказалась какая-нибудь пожилая дама, умудренная жизнью. Однако идеальных положений не бывает. Недочеты можно найти в любых сочетаниях субъектов и объектов. Жди их, идеалов! Как же!

За окном неподвижно висели звезды, стояла космическая мгла, вдруг набегали огни, и опять наступала темень, а звезды все мерцали, бесстрастно, загадочно, с достоинством драгоценных камней, не вмешиваясь в наши дела. Они сами устанавливали, как нам жить, по крайней мере, так говорят многие, устанавливали, но были равнодушны к нашим судьбам. Если долго смотреть на них, то можно дожидаться, когда упадет звезда, мелькнет, обозначит свое падение светлым штрихом. Но это будет не звезда, нет, всего лишь маленький заблудившийся метеорит, попавший в поле притяжения Земли. На свою беду он влетел в атмосферу и сгорел в ней без остатка. А мы будем думать, что это звезда. Нет, настоящие звезды не падают. Они могут погаснуть, и если погаснут, то навсегда. А свет от них, уже не существующих, полетит к нам в

миллион раз быстрее самолета, и лететь ему, может быть, тысячу лет.

– Я только не поняла,– поинтересовалась она,– зачем в кусок льда специально нужно было вмораживать камешки.

Я улыбнулся: женщины обыкновенно не останавливаются на деталях.

– Лед сам по себе может скользить по асфальту, а он должен удерживать машину, пока не растает.

– Теперь понятно. А шляпа и плащ зачем?

– Ну, это, простите, моя фантазия. Нужно было надеть что-то экзотическое. В принципе, можно и белый балахон. Представьте себе, какой-нибудь старушке не спится, и она смотрит в окно. Что она расскажет до-тошному милиционеру? Что привидение подошло к машине, а потом скрылось? Как милиционер оценит ее ночные впечатления? Но я подумал, что лучше ночью разгуливать в темном: меньше бросается в глаза. Если будет костюм Зорро, милиционер и это посчитает бредом сивой кобылы.

– Возможно, вы правы. Это многое объясняет. Я имею в виду всю эту загадку со смертью моих родителей. И все же... Умом я понимаю, но вы знаете, почему-то она не может изменить моего отношения к приемным родителям.

– И как же складывались ваши отношения?

– Я вам расскажу, что было дальше.

И она поведала мне свою историю, ту самую, которая меня просто сбила с ног.

Ох, не знаю, с чего и начать. Ладно! Все как есть... Вот! Я вам хочу сказать, что врачи от меня отказались. У меня осталось последнее средство. Еду в Дивеевский

монастырь, может, батюшка Серафим за меня заступится. Ох! Все-таки Удел Богородицы, Источник там есть целебный. Не знаю. Как вы думаете? Хоть бы удалось свои грехи замолить, а там как Господь даст.

Наверное, я грешница, но не по своей же воле. Нет, конечно, я грешница, но тогда мне было совсем мало лет. Если бы отец с матерью не погибли, все сложилось бы иначе. Как не знаю? А может, это судьба? Вообще-то память о них сама собой стерлась. Ведь их заменили новые родители. Виктория и Герман. В этом все дело.

Своих детей им Господь не дал. Вот их внимание и сосредоточилось на мне. Мы фактически не расставались. Ну, так, изредка. Судя по всему, они довольно быстро оформили на меня документы. И фамилия у меня стала другая, даже красивее, чем была, и зажили мы в трех комнатах. Они постарались, чтобы ничто не напоминало мне о том страшном событии: и мебель всю поменяли, и в школу новую меня перевели, лучше старой, с изучением иностранных языков. Моим вещам подружки из новой школы завидовали, хотя сами знаете, какой там контингент. Меня брали с собой в отпуск, а если и отправляли в лагерь, то только по моему желанию и в самый лучший, обязательно к морю. Короче говоря, зажили одной семьей. В общем, жили – не тужили. И все же было одно «но». Расскажу!

Когда это началось, сейчас не вспомню, но однажды Викторию отправили в командировку с какой-то комиссией, и я осталась за маленькую хозяйку. Как-то вечером Герман рассказал мне сказку о Щелкунчике. Помните, крысиный король и полчища крыс? Мне стало страшно. Я не представляла, как останусь ночью одна в своей комнате.

Вот! Вы опускаете глаза. Сами все понимаете. От страха я совсем голову потеряла. А потом забыла обо

всех крысах на свете, потому что попала в новую беду. Нет, вы не думайте, Герман мне ничего такого не сделал. Ничего, что мог бы.

Главное, мне его ласки не были неприятны. На следующий день это повторилось. Да, он хотел ответных ласк, и мягко, но настойчиво заставил меня подчиняться. Утром я прятала глаза, но жизнь продолжала идти своим чередом, нисколько не заботясь о наших переживаниях, мир почему-то не перевернулся, и мы вели себя так, как будто ничего не случилось. Я встречалась в школе с подружками, и то, что было ночью, уплывало далеко-далеко, я не могла поверить, что это происходило со мной. Может, в кино, которое мне рассказали, может, просто плод фантазии. Конечно, бывало, что щеки мои внезапно начинали гореть, я замыкалась в себе, однако ни подруги, ни учителя не видели здесь ничего особенного: чужие проблемы никого не интересуют, и о человеке забывают сразу же, едва он исчезнет из виду. Нам кажется, что все должны быть сосредоточены на нас, все смотрят и все интересуются нами. Нет, каждый интересуется только самим собой. А другими – постольку, поскольку они могут послужить его интересам.

Присутствие Виктории возвращало меня в привычную колею, но стоило ей уехать, как все начиналось сызнова, и он не давал мне спать полночи. Я должна была ждать его в его же постели. Он умывался, шел в туалет, раздевался и, шлепая босыми пятками, шел к кровати. Я сжималась в комок, зная, что через несколько минут буду лизать эти пятки. Он не был груб со мной, ему не приходилось принуждать меня, я сама делала то, что ему хотелось, он только направлял меня. Ведь что получается! Фактически надо мной надругались, а я не только стерпела, но и сама как бы приняла в этом участие.

Утром я тщательно чистила зубы и полоскала рот. Ой, зачем я все это говорю? Ну ладно, раз уж начала, надо идти до конца. Все равно священнику этого не скажешь.

Признаюсь, порой мне самой хотелось, чтобы все было по-настоящему, чтобы он сделал мне больно, но это я сейчас так могу говорить, а тогда, тогда я и помыслить не могла проявить какие то желания. Вначале я и глаза боялась открыть. Потом только, и то, когда он заставлял меня смотреть. Но он никогда не переходил границу, щадил меня.

Смешно сказать, я знала куда больше своих подруг, которые интересовались мальчиками, и ни разу не выдала себя. Представляете, как мне было трудно это сделать? Помню, я попала в больницу, у меня обнаружили глисты, и я лежала в одной палате с двумя старшими девочками. Они все время рассуждали про мужчин и, как страшную тайну, поведали мне, что у мужчин внутри кость и поэтому они могут проникнуть в женщину. Конечно, я промолчала, но, странное дело, – почувствовала свое превосходство над ними. Старшая рассказывала, как все происходит на самом деле, и даже предложила показать, если младшая переберется к ней в кровать. Мне стало интересно, потому что по-настоящему с Германом у меня еще ни разу не было, и здесь мое превосходство несколько тускнело. Они стали обсуждать, кто из них к кому должен прийти, чтобы из этого что-нибудь получилось, да так ничего и не решили. А мой опыт поджидал меня впереди, и вовсе не за дальними горами.

Между тем Герман перестал ограничивать себя только ночными удовольствиями. Иногда в выходной после обеда, если Виктория уходила из дома, он, сидя на диване, подзывал меня к себе. Что уж там говорить,

я таяла, как мороженое, и не могла ему противиться. Привычно я опускалась на пол, привычно исполняла его желания... Когда Виктория возвращалась, мы уже находились в разных комнатах. Я – с горящими щеками, он – спокойный, довольный и уверенный в себе.

Но она все равно узнала о наших отношениях. Как узнала? Да от меня же! В один прекрасный день я стала девушкой. Это я сейчас так говорю, а тогда я страшно перепугалась и решила, что заболела. Ну, Виктория заметила мое смятение, а я возьми да с перепугу расскажи ей о своем грехе. Вернее, о нашем грехе с Германом. Я умоляла простить меня. Она задумалась, но ругать не стала. После этого вроде бы ничего не изменилось. До поры до времени... Но то, что произошло дальше, не вписывается вообще ни в какие рамки.

Однажды Герман обнаружил у себя на самом интимном месте припухлости, которые были, судя по всему, весьма болезненными. Оказалось – доброкачественная опухоль, которая называется папилломой. Знаете, чем-то она похожа на цветную капусту. Это я уже потом узнала, когда он вылечился, кстати, после она у него на лбу проступила. Врач его успокоил, выписал лекарство, похожее на зеленку, и эта дрянь исчезла. Однако, пока он лечился, ему пришлось спать одному в моей комнате, я же перешла временно на его место к Виктории. И Виктория отомстила и ему, и мне. В первую же ночь я стала ее любовницей. Таким образом, я опять была принесена в жертву. Виктория требовала от меня всего того, чего требовал он. Ей, как я думаю, хотелось испытать то же, что посчастливилось испытать ему. Хотя она была, пожалуй, более нежной, не знаю...

Вот так!

Вы спросите, что стало, когда Герман выздоровел? Ничего. Все осталось как было. Только каждый из них

пользовался мною. Как видите, они оба любили меня, особенно по ночам. Если бы не это, я должна была бы чувствовать себя любимым ребенком. Действительно, когда я забывалась, казалось, у нас – полная идиллия. По воскресеньям я, проснувшись, прибежала к ним, забиралась под одеяло, мы обсуждали, чем займемся в выходной. По радио звучали бодрые песни, они поднимали настроение. Мне запомнилось, как приятный мужской голос неторопливо и вдумчиво пел:

Ты припомни, Россия,
 Как все это было,
 Как полжизни ушло у тебя на бои...

Нет, правда! Они любили меня, заботились обо мне, нанимали мне хороших учителей. Я получила хорошее образование. Я вышла из школы, зная два языка. Они устроили меня учиться в МГИМО. Я это все помню и обязана им. Наконец, я гордилась своими родителями. Герман действительно стал очень крупным человеком, если не сказать великим, получил несколько орденов, Ленинскую премию. Кажется, он работал в промышленном отделе ЦК, точно не помню, но Виктория как-то под большим секретом сообщила, что, благодаря ему, наша страна теперь имеет самую большую атомную подводную лодку в мире, целый подводный город. А когда по телевизору показали первый полет советского космического челнока, она украдкой показала на Германа: он смотрел на экран, и слезы наворачивались на его глаза. Его детище. Так что было чем гордиться.

Получается, что я тоже полюбила их. Не знаю. Как их не любить? Любила. По-детски – днем, а ночью... ночью мир всегда искажен, днем он приходит в норму.

Не могу сказать, как это можно, но, видно, такая уж я уродилась.

Нет, это страшно, страшно! Однажды они пришли поздно с какого-то банкета, очень навеселе. Дома еще выпили и жаждали развлечений. Они позвали меня и заставили ласкать их обоих. Тогда я и узнала, как мужчина спит с женщиной, мне все представили в натуральном виде. Но на следующий день они надарили мне подарков, повели в зоопарк и готовы были выполнить любое мое желание. Я была игрушкой в их руках, это правда. С одной стороны, во мне не уважали личность, а с другой – я была для них личностью. Как так, скажете вы? Ругайте меня, я это заслужила. Но не могу на них сердиться. Что тут поделаешь? Не знаю.

Тем временем началась перестройка. Они пропадали целыми днями на работе. Виктория похудела. Выглядела она по-прежнему строгой, прямой, ухоженной, с хорошей прической, но что-то в ней сломалось. Теперь она часто спала одна, и я поняла, что она больна. В женской консультации у нее сделали биопсию. Положили в онкологический центр на Каширке. Она вышла оттуда еще более похудевшей. Потом она перестала вставать с постели. Я мыла ее, как мать может своего ребенка. Невозможно было представить, что когда-то мы вместе забирались в ванну и я терла и целовала ее розовое, горячее, длинное тело.

И вот, в один несчастный вечер я пожелала ей доброй ночи, а утром ее не стало. Мы с Германом осиротели. Теперь мне пришлось быть и дочерью, и женой сразу. Хотела сказать «одновременно». Нет, днем – дочерью, ночью – женой.

Перестройка раскручивалась, как пружина, раскидывая судьбы в разные стороны. Герман еще держался на плаву, но время его ушло. Под самый занавес он

успел подарить мне новенькие «Жигули». Я, студентка-старшекурсница, подъезжала теперь к институту на сверкающей машине.

Когда наступило смутное время, цены стали расти такими темпами, каких раньше и не видывали. Штурвал стал вырываться из рук партии, она напрягалась из последних сил, но... сами знаете, страшно далека она была от народа, никто ее не поддержал. Партийная номенклатура почувствовала скорое затопление и начала разбегаться кто куда.

Однажды я прочла объявление, в котором предлагался обмен квартиры на новые «Жигули». Герман ухватился за эту идею и настоял, чтобы я совершила такой обмен. Так у меня в собственности оказалась однокомнатная квартира в Отрадном. Мы ее обставили нехитрой мебелью и закрыли. Я продолжала жить с Германом.

Путч 91-го года Герман поддержал. Все, на этом его карьере пришел конец! Мятеж не может кончиться удачей... Германа уволили. Он втянулся в какую-то аферу с денежными фондами и проиграл крупную сумму денег. Его сердце не выдержало всех потрясений. На даче ему стало плохо. Его довели до ближайшей больницы, где он и скончался. Я осталась совсем одна.

К тому времени я уже окончила институт, но меня с моей фамилией, то есть с фамилией Германа и Виктории, никуда не хотели брать. Я имею в виду престижные места в МИДе, информационных агентствах, журналах и т. д. Друзья и коллеги Германа либо были такими же отверженными, как он, либо стремительно делали карьеру, переметнувшись на сторону Ельцина. Эти перевертыши так и рвались казаться святее самого Папы Римского и ни в какую не хотели признаваться, что даже слышали о моей семье.

Начался новый период в моей жизни. Вскоре исчезли из виду все подружки по институту, которые клялись в вечной дружбе. Впрочем, они успели познакомиться меня с одним парнем, Борисом. Сделали подарочек!

Он снимал комнату в общежитии и бешено за мной ухаживал. Огромные букеты, рестораны, прогулки на машине: все было брошено на покорение моего сердца. Он раскрывал передо мной грандиозные горизонты. Нет, он не врал. Как-то он вложил куда-то большие деньги и через три месяца получил огромную сумму. Я стала носить роскошную шубу и бриллиантовые сережки. Он рассуждал, что с моим знанием языков мы устроимся в одном из самых лучших городов мира, а может, даже купим замок. Лихое было время.

Стоит ли говорить, что он поселился в моей трехкомнатной квартире в центре. Не скажу, что я была сильно влюблена в него. Первую ночь, которую мы провели вместе, со мной чуть не случилась истерика. Представляете, я вся благоухающая, смущенная, похожая на невесту (несмотря ни на что, я так и не превратилась в циничную особу), закрыв глаза, лежу в постели, горит настольная лампа, он готовится лечь, копается, я замираю... пауза, я открываю глаза – и что я вижу?! Он стоит и натягивает на себя отвратительное резиновое изделие! В эту ночь я спала одна.

Конечно, со временем я привыкла к Борису, мы жили если не в полной гармонии, то, во всяком случае, неплохо. А времена были трудные, трудные, но и блестящие. Рассчитывая на следующий выигрыш, он использовал не только свои деньги, но и все мои сбережения и драгоценности, он даже уговорил меня продать дачу. И что вы думаете? Опять выиграл. У нас

появился огромный «линкольн», я могла получить все, что душа пожелает.

Отдыхали за границей. Борис то пропадал днями, то сидел дома, а то устраивал мне выезд в загородный ресторан. Жили в каком-то чаду. Тогда я впервые почувствовала болезненные ощущения в момент близости. Хорошо еще, что Борис всю свою энергию тратил на дела. Но даже в редкие минуты его нежности боль присутствовала, хотя этому балбесу было далеко до Германа. Если бы не беспокойство по поводу болей, я бы чувствовала себя почти счастливой. Могло ли это все продолжаться долго? Вряд ли. Когда Борис сделал очень большую ставку, заложив нашу квартиру, мы проиграли. Где была моя голова? И к тому же Борис внезапно исчез. Как все-таки прав был Герман, когда заставил меня обменять машину на жилье. Я переехала в забытую однокомнатную квартиру, о которой Борис даже не успел узнать. А то бы и ее бы пустил по ветру. Обещанная жизнь в роскоши не состоялась.

Я устроилась работать на рынке. Вечером я собирала непроданный товар в большие сумки и перла их к себе домой, а утром опять чуть свет ехала на рынок с этой тяжестью. Боли беспокоили меня даже в отсутствие мужчин. Врач послала меня на биопсию. Анализ показал, что я иду по стопам Виктории. Все! Круг замкнулся! Какое там лечение без денег! Виктория пила травяной сбор Здренко. Гадость жуткая. Когда я первый раз попробовала, меня чуть не стошнило. Потом взяла себя в руки, начала немного привыкать к этой отраве.

Годы, проведенные с Германом и Викторией, я вспоминала как счастливое время. Была уверенность в завтрашнем дне, опора в жизни, защищенность,

даже беззаботность. Теперь ничего этого не было. Наверное, то, что я говорю, ужасно?! Как можно терпеть надругательство? Но вот поди ж ты! Я должна чувствовать себя жертвой, а мечтаю о том времени. Кажется, это называется «стокгольмским синдромом»? Когда заложники проникаются чувством к своим похитителям. Да? Надо мной надругались, а я полюбила насильника.

Что поделатъ? Я тоскую и по Герману, и по Виктории, особенно по Герману, но и по ней тоже. Может, я их не смогла понять, но я простила им все, а это все равно что понять. Думаете, после них жизнь стала лучше? Меня все равно продолжали использовать, не они, так другие, не так, так эдак. Нет, не лучше! Не знаю! Все-таки это синдром. Болезнь. Такая же, как у меня. Хотя нет, с ней можно жить. Я-то знаю! Или нет? Я совсем запуталась. Почему все так сложно? Не понимаю! У меня теперь один путь. Туда!

В купе горел ночник, и голос женщины звучал из полутьмы, в которую она совсем ушла, прислонившись к стене.

Я повесил голову и внимательно разглядывал складки на скатерти, пытаюсь разглядить их рукой, но они не поддавались. За окном простирались бесконечные поля. Мне вдруг подумалось, что Стокгольм находится на одной широте с Магаданом. «Магаданский синдром». Ты припомни, Россия, как все это было... Передо мной – боль, гордость, сомнения и неизменно торжествующее прошлое.

– Я с вами так откровенна, потому что смертельно больна, вы понимаете?

Послышались всхлипывания.

Я посмотрел в темноту. Что оставалось делать? Лишь кивать головой.

– Господь наказывает меня за грехи,– сказала она.

– Вы не грешница, вы – жертва.

– Нет, вы не знаете. Я не противилась, я не отстояла себя, я, наконец, еще живу тем периодом жизни. Что со мной? Господь наказывает, и правильно делает! – Всхлипывания перешли в рыдания.

Я переждал, когда она успокоится. Она вытерла слезы платком и уперлась невидящим взглядом в окно. Мне было не по себе от этого безмолвного отчаяния.

– Господь не наказывает,– сказал я.– Господь спасает.

Я видел, как в темноте она, не отрывая взгляда от окна, отрицательно помотала головой.

– Как вы можете знать? – промолвила она, чтобы не молчать: молчание угнетало ее больше, чем резонанство.

– Могу,– сказал я уверенно.– На основании вашего рассказа могу.

– Все это непостижимо,– сказала она, однако в ее голосе я услышал едва заметную надежду, как будто она, потеряв дно, заметила подплывающую соломинку: значит, все-таки не просто резонанство.

– А я противопоставлю непостижимости достоверность. Хотите? Пожалуйста! Вот факты. Начну с простого. Помните, вы говорили, что в детстве лежали в больнице с глистами.

Она кивнула.

– Эта ваша болезнь легко объяснима, и я готов ее объяснить.

– Я не думала об этом.

– А если бы подумали, то, наверное, вспомнили бы, что по вашему паркету не всегда ходили босыми ногами, но и в обуви. Возможно, прямо с улицы.

Она бросила на меня удивленный взгляд, но через секунду закрыла лицо руками.

– О Боже! – сказала она глухо.

– Это ерунда. Это и не болезнь вовсе, а так, семечки. Вот ваше нынешнее состояние... Врачи назвали причину?

– Что, и здесь у вас есть объяснение?

– Не сомневайтесь! Вы читали «Открытую книгу» Каверина?

– Нет, кино, кажется, смотрела.

– Помните, там был ученый, который говорил о вирусной природе рака?

– Не помню. Мало ли кто что говорил по поводу рака.

– Это так, к слову, – сказал я. – А вот вам факты. Современная наука научилась делать прививку против рака. Пока против рака шейки матки. Но это же ваш с Викторией случай, не так ли? Так вот, данные из молекулярной биологии доказывают, что рак шейки матки вызывается вирусом. Вернее, некоторыми онкогенными вирусами папилломы человека. Как вам? Что-то вы говорили о болезни Германа. Я ничего не путаю?

Теперь она смотрела не в окно, а на меня. Пора было наносить по ее депрессии завершающий удар. Она должна верить.

– Непостижимость, – сказал я, – будет заключаться в успехе вашего нынешнего путешествия. Понимаете? Если у вас достанет веры, вы пойдете на поправку. Я уверен. Еще раз повторю: Господь не наказывает, Господь спасает! Верьте, и вы услышите: «Вера твоя спасла тебя»!

Я откинулся на спинку сиденья, ушел, как и она, в тень. Что я мог еще сделать, что сказать? Не знаю. Голос мой, по-видимому, прозвучал из глубины гулко

и веско, потому что она молчала. Прошла минута, другая. Я услышал ее ровное дыхание. Чуть повернув голову к окну, она уснула.

Я чувствовал, что у меня поднялось давление. Надо бы выпить хотя бы таблетку аспирина. Но я боялся пошевелиться.

Рассвет выдался серый, как пепел, и тихий, как предутренняя мышь. Спутница моя спала, будто после первого причастия, крепко и сладко. Капелька слюны блестела на подбородке. По коридору прошла проводница, стуча ключом в двери: Арзамас! Бедняжка проснулась. Я вышел ее проводить. Мы стояли на перроне, прощаясь. Она неловко ткнулась мне лбом в грудь и отступила. Я молча поклонился. Она пошла, часто оглядываясь. Казалось, она боится потерять единственную зацепку, которая связывает ее с жизнью. Я украдкой перекрестил ее. Потом я посмотрел на небо и взмолился: Господи, если надо, возьми мою ничемную жизнь, только дай жить этой страдальце!

Не ее вина, что она родилась без компьютера в голове, без амбиций миледи и без свинцовой задницы специалиста, не на Востоке, где в порядке вещей выдавать замуж девочек-подростков, не на Западе, где дети входят во взрослую тему на уроках и на все случаи жизни предусмотрены психоаналитики. Не ее вина.

Поезд беззвучно покатился, и я вернулся на место. Быстро миновали одноэтажные домики, мелькнул шлагбаум, и опять пошли поля и перелески. Как будто золой был присыпан бегущий за окном пейзаж. Проехали какой-то населенный пункт. За ним начались луга. Девочка с косичками, держа маму за руку, помахала нашему поезду. Потом я увидел лошадей. Кони были стреножены и передвигались неловкими скачками. Я закрыл глаза и уснул.

Когда я проснулся, поезд стоял на станции. Люди высыпали на перрон и громко разговаривали.

– Что там такое? – спрашивали те, кто только что вышел.– Пожар? Где горит?

Справа в сотне метров от нас в небо уходил столб черного дыма, и отблески пламени отражались в стеклах соседних домов.

– Ясен пень,– отвечал толстый дядька в тренировочных штанах и в майке.– Что у нас повсякчас може гореть? Та дом престарелых, вот что!

СОДЕРЖАНИЕ

МОСКОВСКАЯ ЖИВОДЕРНЯ	5
КАК ВСЕ ЭТО БЫЛО	23
ЗМЕЕНОСЕЦ	49
ТОПОР ВОЙНЫ	75
УТРЕННЯЯ ЖЕРТВА	142
ПРЕЗИДЕНТ ИСКАРИОТОВ	179
РОМАНС ВРЕМЕН ВЛАДИМИРА ПУТИНА	198
ЭРМИТАЖ	219
ТРИ ПОРОСЕНКА В ТЫЛУ ВРАГА	240
ЧЕМ БОЛЬШЕ РОДИНУ МЫ ЛЮБИМ	269
ПИСЬМО НЕИЗВЕСТНОГО	323
И ЗАХОДИТ СОЛНЦЕ	344

Литературно-художественное издание

ГЕОРГИЕВ ВСЕВОЛОД

МОСКОВСКАЯ ЖИВОДЕРНЯ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Корректор *О. В. Круподер*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.07.2010 г.

Формат 84×108/32. Печ. л. 11,5.

Гарнитура «CharterС».

Тираж 300 экз. Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»

155477, Москва, Кантемировская ул., д. 59а

Тел./факс 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru